

5.1. ПРАВО

5.1. LAW

Научная статья

УДК 342.924

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1744

Alexander Yegorovich Epifanov

Doctor of Law, Professor, Chief Researcher
of the Department for the Study of Historical Problems
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
of the Research Center of the Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Moscow, Russian Federation,
mvd_djaty@mail.ru

Александр Егорович Епифанов

д-р юрид. наук, профессор,
главный научный сотрудник
отдела по изучению проблем истории МВД России
Научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России
Москва, Российская Федерация
mvd_djaty@mail.ru

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ РЕЖИМА ПРИФРОНТОВОЙ ПОЛОСЫ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

5.1.2 — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, объектом которого выступают функциональные характеристики режима прифронтовой полосы в период Великой Отечественной войны (ВОВ) и институционально-организационные основы комплекса мер, реализуемых в субъектах Российской Федерации, сопредельных с зоной проведения специальной военной операции на территории Украины (СВО). В рамках настоящего исследования режим прифронтовой полосы рассматривается как самостоятельный историко-правовой институт со специфическими функциональными характеристиками. С использованием сравнительно-правового метода изучено административно-правовое регулирование прифронтовой полосы в период ВОВ и приграничных с зоной СВО территорий. Также с использованием формально-юридического подхода и историко-правового метода проведен анализ архивных материалов и современной правоприменительной практики по теме исследования.

В условиях военного положения ВОВ становление прифронтового режима выступало нормативным фундаментом для обеспечения комплекса задач по защите гражданского населения, сохранения государственного имущества, нейтрализации диверсионно-разведывательных формирований противника, охраны войскового тыла, организации иде-

ологической борьбы. Таким образом, режим прифронтовой полосы исторически выполнял не только военные задачи, но и социально-экономические и идеологические функции. С учетом современных особенностей способов ведения вооруженной борьбы в зоне СВО, организация защиты приграничных территорий осуществляется в целях безопасности населения и повышения эффективности обеспечения группировок войск всем необходимым. В условиях четырехуровневой системы реагирования функциональный аналог режима прифронтовой полосы на приграничных территориях обеспечивается за счет применения адаптивных механизмов межведомственной координации.

В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о необходимости дискуссионного обсуждения законодательного закрепления особого правового статуса приграничных с зоной СВО территорий и четырехуровневой системы реагирования

Ключевые слова: беспилотные летательные аппараты, Великая Отечественная война, военное положение, глубокий тыл, государство, особый экономико-правовой режим, режим прифронтовой полосы, региональное управление, специальная военная операция, приграничные территории, четырехуровневая система реагирования

Для цитирования: Епифанов А. Е. К вопросу о функциональных характеристиках режима прифронтовой полосы (историко-правовой аспект) // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 155—160. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1744.

Original article

ON THE FUNCTIONAL CHARACTERISTICS OF THE FRONTLINE REGIME (HISTORICAL AND LEGAL ASPECT)

5.1.2 — Public law (state-legal) sciences

Abstract. The author presents the research findings, the object of which is the functional characteristics of the frontline regime during the Great Patriotic War (GPW), and the in-

stitutional and organizational framework for the set of measures implemented in the constituent entities of the Russian Federation bordering the Special Military Operation (SMO) zone.

© Епифанов А. Е., 2026

© Epifanov A. Y., 2026

In the context of the present research, the frontline regime is conceptualized as a discrete historical-legal institute characterized by its distinct functional attributes. Using the comparative legal method, the study examines the administrative and legal regulation of the frontline zone during the GPW and the territories bordering the SMO area. Additionally, employing a formal-legal approach and historical-legal method, an analysis of archival materials and modern law enforcement practice regarding the research topic was conducted.

Under the conditions of martial law during the GPW, the establishment of the frontline regime served as a normative foundation for ensuring a set of tasks aimed at protecting the civilian population, preserving state property, neutralizing enemy sabotage and reconnaissance formations, securing the military rear, and organizing ideological struggle. Thus, historically, the frontline regime performed not only military func-

tions but also socio-economic and ideological ones. Taking into account the contemporary specifics of warfare methods in the SMO zone, the organization of protection for border areas is carried out to ensure public safety and enhance the efficiency of providing logistical support to force groupings. Within the four-tiered response system, the functional equivalent of the frontline regime in border territories is achieved through the application of adaptive mechanisms for inter-agency coordination.

As a result of the conducted research, the author concludes that there is a need for a scholarly discussion on the legislative consolidation of the special legal status of territories bordering the SMO zone and the four-tiered response system.

Keywords: *unmanned aerial systems, Great Patriotic War, martial law, deep rear, state, special economic and legal regime, frontline regime, regional administration, Special Military Operation, border areas, four-tier response system*

For citation: Epifanov A. Y. On the functional characteristics of the frontline regime (historical and legal aspects). *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76):155—160. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1744.

Введение

Актуальность исследования обусловлена потребностью в концептуализации и доктринальном осмыслении возможных направлений поиска оптимальных направлений совершенствования чрезвычайного законодательства в целях защиты государственного суверенитета. В контексте современных геополитических вызовов и трансформации характера вооруженных конфликтов изучение правового опыта функционирования прифронтовых территорий во время Великой Отечественной войны (далее — ВОВ) приобретает значение институционального фундамента для совершенствования управленческого механизма на территориях, сопредельных с зоной проведения специальной военной операции на территории Украины (далее — СВО).

Целесообразность разработки темы. Формирование и функционирование в период ВОВ чрезвычайных органов государственной власти обеспечило управленческому механизму несомненную мобильность как в прифронтовой полосе и тыловых районах, так и в масштабах всей страны, сыграв заметную роль в мобилизации ресурсов на борьбу с фашистскими захватчиками. Указанные обстоятельства обосновывают необходимость выделения административно-правового режима прифронтовой полосы в самостоятельный предмет изучения, выходя за рамки традиционного анализа института военного положения. Кроме того, научный дискурс ранее предложенных доктринальных предложений применительно к статусу приграничных с зоной проведения СВО территорий и формированию четырехуровневой системы реагирования формирует методологический базис для последующего правотворчества.

Изученность проблемы. Проблематика компетенции органов государственного управления в условиях военного времени, а также специфика административно-правового регулирования территорий прифронтовой полосы в исторической ретроспективе получила освещение в трудах ряда отечественных правоведов и историков. Например, С. К. Агарзаев [1] поднял вопрос о многоуровневости структуры особого правового режима военного положения, А. А. Дерюгин [2] и А. А. Нисин [3] выделили характерные черты правовых режимов военного времени периода ВОВ. Наглядный пример механизма трансформации административно-правового режима прифронтовой полосы приведен в работе А. А. Солнышкина [4] и др. В свою очередь вопро-

сы правового регулирования территорий, непосредственно прилегающих к зоне СВО, в отечественной юридической науке находятся на начальном этапе концептуализации. Так, значительный вклад в развитие современных правовых режимов СВО вносят разработки В. А. Винокурова [5], касающиеся доктринальной интерпретации правовых категорий «уровней реагирования», в содержание которых инкорпорированы механизмы особого положения. В работах А. Г. Березниковой [6; 7] сформированы понятийный аппарат и теоретические основы «особого экономико-правового режима». В. В. Огнева и Т. С. Болховитина [8], Е. В. и М. Н. Реутовы, А. А. Гармашев, О. Н. Полухин [9] в своих работах подняли актуальные вопросы обеспечения национальной безопасности в приграничных с зоной СВО территориях. Однако, несмотря на наличие значительного массива работ по смежной проблематике, режим прифронтовой полосы как самостоятельный историко-правовой институт со специфическими функциональными характеристиками остается недостаточно изученным. Тем не менее концептуализация правового статуса современного российского приграничья представляется невозможной без глубокого анализа исторического опыта периода ВОВ, свидетельствующего о тотальной мобилизации ресурсов государства и общества.

Научная новизна проведенного исследования заключается в том, что впервые в отечественной историко-правовой науке режим прифронтовой полосы подлежит самостоятельному анализу не только в контексте военного положения, а с позиции выявления сущностных функциональных характеристик, формирующих институциональные признаки особого правового режима. Также автором исследования проведена концептуальная интеграция исторического опыта ВОВ и современного административного права, в связи с чем предлагается к научному обсуждению необходимость перехода от жестких правоограничительных рамок к гибким инструментам реагирования, с учетом современных особенностей трансформации понятия «глубокий тыл».

Цель исследования заключается в выявлении функциональных характеристик прифронтовой полосы, механизмов управления на приграничных с зоной СВО территориях, а также обсуждение возможных направлений совершенствования чрезвычайного законодательства.

Для достижения цели работы решались следующие **задачи**: выявление сущностных функциональных характеристик режима прифронтовой полосы в годы ВОВ и систематизация существующих доктринальных предложений по гармонизации действующего законодательства в сфере регионального управления.

Теоретическая значимость. Настоящее исследование обосновывает необходимость выделения административно-правового режима прифронтовой полосы в самостоятельный предмет изучения, выходя за рамки традиционного анализа института военного положения, что позволит объединить достижения историко-правовых наук с теорией и практикой государственного управления и территориального планирования в кризисных условиях.

Практическая значимость исследования заключается в возможности прямого использования выявленных функциональных характеристик для обсуждения правовых подходов к конструированию современного административно-правового статуса территорий, сопредельных с зоной СВО.

Основная часть

Методология исследования. Методологической основой выступает сравнительно-правовой анализ режима административно-правового регулирования прифронтовой полосы в годы ВОВ и современных публично-правовых подходов к регулированию территорий, приграничных с зоной проведения СВО. Также с использованием формально-юридического подхода и историко-правового метода проведен анализ архивных материалов и современной правоприменительной практики по теме исследования, обобщены актуальные научные данные, касающиеся правового статуса прифронтовой полосы.

Результаты исследования. Становление линии фронта в период ВОВ сопровождалось введением в прифронтовой полосе особого правового режима, территория которого определялась приказами военных советов фронтов, отдельных армий [Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 32880. Оп. 5. Д. 592. Л. 244. Положение о режиме в прифронтовой полосе Действующей Красной Армии]. В пределах территориальных границ прифронтовой полосы запрещалось проживание и доступ гражданского населения, которое подлежало незамедлительной и обязательной эвакуации. Задержка эвакуации из прифронтовой полосы и нахождение гражданских лиц в войсковом тылу рассматривалось как отличное условие для шпионской работы противника. К примеру, в соответствии с директивой Ставки Верховного Главнокомандования от 14 октября 1942 г. Военный Совет Брянского фронта постановил провести отселение всего гражданского населения из 25-километровой прифронтовой полосы к 1 ноября 1942 г. Ответственность за полное выселение всего гражданского населения и материальных ценностей в установленный срок была возложена на командующих армий. Практическое осуществление эвакуации населения и материальных ценностей возлагалось на местные органы исполнительной власти. Эвакуация населения производилась в районы, отведенные для этой цели обкомполками. Все расчеты с отселяемым населением за сданный на месте скот, хлеб, овощи и т. п. и компенсация их на новом месте расселения производились местными органами власти. После 1 ноября 1942 г. проживание в 25-километровой прифронтовой полосе гражданского населения и доступ в неё запрещались. Все гражданские лица, появляющиеся

в прифронтовой полосе, подлежали немедленному аресту и направлялись в Особые отделы и местные органы НКВД. Начальник Управления охраны тыла фронта был обязан тщательно проверять по документам военнослужащих, следующих в одиночном порядке в пределы прифронтовой полосы, а всех подозрительных лиц полагалось задерживать и направлять в органы особых отделов (РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 592. Л. 245. Положение о режиме в прифронтовой полосе Действующей Красной Армии).

Обеспечение строжайшего правопорядка в прифронтовой зоне и войсковом тылу Действующей Красной Армии достигалось посредством функционирования института фронтовых и армейских начальников охраны войскового тыла. В их компетенцию входил комплекс мероприятий по стабилизации тылового района: деблокирование путей сообщения от потоков беженцев, фильтрация транспортных коммуникаций с целью выявления дезертиров, оптимизация логистических процессов (регулирование подвоза материальных средств и эвакуации), гарантия бесперебойного функционирования систем военной связи, а также нейтрализация диверсионно-разведывательных формирований противника [10]. Помимо прочего, разрабатывались конкретные мероприятия по созданию подпольных окружкомов, горкомов, райкомов ВЛКСМ и руководству работой комсомольских организаций на территории, оккупированной немецкими захватчиками [11]. Также становление режима прифронтовой полосы сопровождалось вовлечением гражданских лиц и формированием военизированных структур гражданского общества. Население привлекалось к производству оборонительных сооружений, обеспечению внутренней безопасности территории, формированию партизанских отрядов, что обеспечивало устойчивость функционирования тыла в условиях дефицита кадровых военнослужащих, обусловленного военными действиями [12, с. 92]. Однако прифронтовая полоса — это не только территория расположения ближнего военного тыла, требующая поддержания строжайшего порядка для обеспечения военных задач, но и место организации идеологической борьбы. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) разрабатывало планы статей, разъясняющих значение партизанской борьбы народа в деле разгрома немецкой армии, для центральной печати и газет прифронтовой полосы и считало необходимым усилить освещение вопросов партизанского движения, особенно в газетах прифронтовых районов и областей [13, с. 360].

Эмпирические данные свидетельствуют об устойчивой терминологической конвенции в использовании концепта «приграничье» для обозначения территории, граничащей с зоной проведения СВО (Курское, Белгородское приграничье и др.). В. В. Огнева и Т. С. Болховитина полагают, что для защиты территориальной целостности России необходимо принять специальный закон о статусе пограничного региона. По мнению авторов, такой закон должен официально закрепить за такими субъектами особые полномочия и обеспечить их необходимым финансированием и ресурсами [8].

С позиции государственного управления особыми правовыми режимами, теоретическое и практическое значение для рассмотрения влияния современных особенностей ведения вооруженных конфликтов имеет опыт ряда регионов, ограничивших перемещение гражданских лиц в пределах определенных территориальных границ и установивших на граничащих с линией боевого столкновения территориях режим прифронтовой полосы. Тем не менее ряд авторов рассматривает повышение результативности

пограничного контроля как комплексную задачу, выходящую за рамки исключительной компетенции правоохранительных органов. По мнению В. В. Огневой и А. А. Эрендженова, общественный контроль и содействие граждан должны стать неотъемлемым элементом при реализации таких механизмов безопасности, как развитие территориальной обороны [14].

Также ряд исследователей обосновывают концептуализацию обеспечения безопасности как приоритетного вектора стратегического территориального планирования, при котором предполагается четкая дифференциация полномочий и компетенций субъектов публичной власти, привлечением потенциала территориальных органов общественного самоуправления как формы организации населения, формирования целевых финансовых, материальных и человеческого резерва для реагирования на чрезвычайные ситуации [9].

С 1 августа 2024 г. в пределах прифронтовой полосы Херсонской области начал действовать особый режим пребывания гражданского населения, в соответствии с которым лицам, не имеющим прописки на режимной территории, требуется оформление временного удостоверения, срок действия которого составляет 10 дней (<https://khogov.ru/wp-content/uploads/2024/07/67-u-24.pdf>). Согласно действующему законодательству в сфере публичной власти в РФ, режим прифронтовой полосы устанавливается актом высшего должностного лица субъекта Российской Федерации на основании и во исполнение Конституции РФ, федеральных законов, нормативных актов Президента РФ в рамках полномочий по организации территориальной обороны. Организация и осуществление мероприятий по территориальной обороне отнесены к вопросам местного значения.

С 15 марта 2025 г. в приграничных районах Курской области были введены ограничения на посещение и перемещение гражданских лиц в ряде населенных пунктов и прилегающих к ним зон, включая сельскохозяйственные земли и лесные массивы. Приграничная зона установлена в пределах пятикилометровой полосы местности вдоль государственной границы Российской Федерации. Для въезда на указанную территорию требуется документ, удостоверяющий личность, и индивидуальный или коллективный пропуск. За нарушение режима государственной границы предусмотрена административная ответственность (<https://ria.ru/20250314/ogranichenie-2005064307.html>).

Также характеристикой современного административно-правового статуса приграничных регионов выступает имплементация преференциального режима ведения хозяйственной деятельности в формате свободной экономической зоны [15, с. 72]. Ранее локализованный на отдельных территориях Брянской, Белгородской и Курской областей режим свободной экономической зоны масштабирован в территориальных границах указанных субъектов Российской Федерации (<http://government.ru/docs/59572/>). В теоретико-методологическом плане А. Г. Березникова выделяет два фундаментальных подхода к конструированию экономико-правовых режимов: территориально-специфический (адресный) подход, предполагающий разработку уникального нормативно-правового акта под конкретную территорию посредством принятия специального федерального закона, и унифицированный типовой (рамочный) подход, базирующийся на установлении универсального набора правовых инструментов, доступных для имплементации

различными территориями. При этом по мнению автора сформированных подходов, рамочный подход применяется значительно реже [7]. Кроме того, А. Г. Березникова предлагает концептуальное предложение по систематизации понятийно-категориального аппарата путем введения единой экономико-правовой категории «особый экономико-правовой режим» [6]. Предложенная идея выглядит целесообразной с позиции необходимости дальнейшего совершенствования чрезвычайного законодательства, что уже можно найти в предложениях ученых юристов. В. А. Винокуров предлагает законодательно закрепить четырехуровневую систему реагирования (максимальный, средний, повышенной и базовой готовности) в условиях вооруженных конфликтов и провести унификацию терминологии путем исключения слова «режим» из названий уровней, расширения правового статуса принимающих решения органов за счет исключения узкой формулировки «органы исполнительной власти» в пользу более широкого понятия «органы публичной власти», а также уточнения роли высшего должностного лица субъекта Российской Федерации на основании предложений оперативных штабов [5].

Основные выводы исследования позволяют сформулировать следующие функциональные характеристики режима прифронтовой полосы в период ВОВ: обеспечение безопасности и очистка ближнего тыла от диверсионных групп, поддержание военной мобильности и жизнеспособности войск, тотальная мобилизация всех ресурсов территории, идеологическая пропаганда. Кроме того, практика применения ограничительных мер на территориях, сопредельных с зоной проведения СВО, не предполагающих объявления особого правового положения, свидетельствует об объективной необходимости разработки дифференцированного административно-правового статуса подобных территорий.

Заключение

Функциональные характеристики режима прифронтовой полосы, обеспечивавшие высокую мобильность и адаптивность системы государственного управления в период ВОВ, сохраняют свою институциональную преемственность и актуальность в условиях проведения СВО. Вместе с тем трансформация характера современного вооружения, в частности широкое применение беспилотных летательных аппаратов, привела к трансформации традиционного понятия «глубокий тыл». Указанное обстоятельство обуславливает необходимость формирования гибких подходов к конструированию особых правовых режимов на приграничных с зоной СВО территориях. Данные подходы не только детерминируют направления деятельности местных органов исполнительной власти, но и регламентируют их функциональное взаимодействие с органами государственной власти и военного управления. Иными словами, динамично развивающиеся геополитические, экономические и социальные системы выступают катализатором адаптации национальных правовых механизмов к текущим задачам государственного управления, что выражается в переходе от жестких правоограничительных рамок к локальному применению инструментов реагирования, позволяющих высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации самостоятельно определять перечень необходимых мер исходя из оперативной обстановки и возникающих рисков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агарзаев С. К. Многоуровневость структуры особого правового режима военного положения // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5(221). С. 121—124.
2. Дерюгин А. А. Чрезвычайные правовые режимы Великой Отечественной войны // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Вып. 36. С. 46—49.
3. Нисин А. А. Охрана тыла Красной Армии в условиях осадного положения Москвы во время Великой Отечественной войны // Вестник Военного университета. 2010. № 4(24). С. 101—105.
4. Солнышкин А. А. К вопросу истории расселения жителей прифронтовой полосы Ленинграда из поселков Купчино и Петро-Славянка в 1942 г. // Вестник науки. 2026. № 6(99). Т. 4. Ч. 1. С. 676—682.
5. Винокуров В. А. Военное положение, уровни реагирования, специальная военная операция: понятие и содержание // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7(223). С. 203—207.
6. Березникова А. Г. Понятийный аппарат и классификация особых экономико-правовых режимов в Российской Федерации // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18. № 1. С. 18—28.
7. Березникова А. Г. Трансформация подходов к формированию особых экономико-правовых режимов в Российской Федерации // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2026. № 2(115). С. 91—98. DOI: 10.24412/1815-0683-2026-2-91-98.
8. Огнева В. В., Болховитина Т. С. Российское пограничье в условиях специальной военной операции: актуальные аспекты обеспечения национальной безопасности // Via in tempore. История. Политология. 2024. Т. 51. № 4. С. 1035—1043. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-1035-1043.
9. Реутов Е. В., Гармашев А. А., Полухин О. Н., Реутова М. Н. Трансформация восприятия проблематики безопасности в приграничном регионе в условиях специальной военной операции // Власть. 2023. Т. 31. № 4. С. 86—94. DOI: 10.31171/vlast.v31i4.9695.
10. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : сб. док. М. : Русь, 2000. Т. 2. Кн. 1 : Начало. 22 июня — 31 августа 1941 г. 718 с.
11. Суровая правда войны : сб. док. Курск, 2010. Ч. II : 1942 год на курской земле в документах архивов. 495 с.
12. Епифанов А. Е., Панченко А. В. Механизм обеспечения личной безопасности граждан (конституционно-правовой аспект) : моногр. Волгоград : Нива, 2009. 184 с.
13. Советская Украина в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) : док. и материалы : в 3 т. Киев : Наукова думка, 1985. Т. 1 : Украинская ССР в первый период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. — 18 ноября 1942 г.). 518 с.
14. Огнева В. В., Эрендженов А. А. Тенденции изменений в реализации политики безопасности регионов российского пограничья в контексте политического кризиса вокруг Украины // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2025. № 2. С. 3—14. DOI: 10.24412/2071-6141-2025-2-3-14.
15. Епифанов А. Е., Симон А. Л. Ограничение прав и свобод человека: сравнительно-правовой анализ норм российской правовой системы и международного права // Концептуальные подходы к совершенствованию российской правовой системы : материалы междунар. науч.-практ. конф. Волгоград : Изд-во Волгогр. ин-та управления — фил. РАНХиГС, 2017. С. 70—74.

REFERENCES

1. Agarzayev S. K. Multi-level structure of the special legal regime of martial law. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: the theory and practice*. 2023;5(221):121—124. (In Russ.)
2. Deryugin A. A. Emergency legal regimes of the Great Patriotic War. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2007; 36:46—49. (In Russ.)
3. Nisin A. A. Red Army home front defense under siege of Moscow during World War II. *Vestnik Voenного universiteta*. 2010;4(24):101—105. (In Russ.)
4. Solnyshkin A. A. On the history of resettlement of residents of the frontline zone of Leningrad from the settlements of Kupchino and Petro-Slavyanka in 1942. *Vestnik nauki*. 2026;6(99)-4(1):676—682. (In Russ.)
5. Vinokurov V. A. Martial law, response levels, special military operation: concept and content. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: the theory and practice*. 2023;7(223):203—207. (In Russ.)
6. Bereznikova A. G. The conceptual framework and classification of special economic and legal regimes in the Russian Federation. *Territoriya novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta = The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2026;18(1):18—28. (In Russ.)
7. Bereznikova A. G. Transformation of Approaches to the Formation of Special Economic-legal Regimes in the Russian Federation. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke = Customs policy of Russia in the far East*. 2026;2(115):91—98. (In Russ.) DOI: 10.24412/1815-0683-2026-2-91-98.
8. Ogneva V. V., Bolkhovitina T. S. The Russian Border Area in the Context of the Special Military Operation: Current Aspects of Ensuring National Security. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya = Via in tempore. History and political science*. 2024;51(4):1035—1043. (In Russ.) DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-1035-1043.
9. Reutov E. V., Garmashev A. A., Polukhin O. N., Reutova M. N. Transformation of the Perception of Security Problems in the Border Region under the Conditions of a Special Military Operation. *Vlast' = The Authority*. 2023;31(4):86—94. (In Russ.) DOI: 10.31171/vlast.v31i4.9695.

10. USSR State Security Agencies in the Great Patriotic War. Collected documents. Moscow, Rus', 2000. Vol. 2. Bk 1 : Beginning. June 22 — August 31, 1941. 718 p. (In Russ.)
11. The Harsh Truth of War. Collected documents. Kursk, 2010. Pt. II : 1942 on Kursk Land in Archival Documents. 495 p. (In Russ.)
12. Epifanov A. E., Panchenko A. V. Mechanism for ensuring personal safety of citizens (constitutional and legal aspect). Monograph. Volgograd, Niva, 2009. 184 p. (In Russ.)
13. Soviet Ukraine during the Great Patriotic War (1941-1945). Documents and Materials. In 3 vols. Kyiv, Naukova Dumka, 1985. Vol. 1 : The Ukrainian SSR in the First Period of the Great Patriotic War (June 22, 1941 – November 18, 1942). 518 p. (In Russ.)
14. Ogneva V. V., Erendzhenov A. A. Trends of changes in the implementation of the security policy of the Russian border regions in the context of the political crisis around Ukraine. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2025;2:3—14. (In Russ.) DOI: 10.24412/2071-6141-2025-2-3-14.
15. Epifanov A. E., Simon A. L. Limitation of human rights and freedoms: comparative legal analysis of the norms of the Russian legal system and international law. *Kontseptual'nye podkhody k sovershenstvovaniyu rossiiskoi pravovoi sistemy = Conceptual approaches to improving the Russian legal system. Proceedings of the International scientific and practical conference*. Volgograd, Volgograd Institute of Management — branch of RANEPA publ., 2017:70—74. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.07.2026; одобрена после рецензирования 29.08.2026; принята к публикации 31.08.2026.
The article was submitted 27.07.2026; approved after reviewing 29.08.2026; accepted for publication 31.08.2026.